

— Ну вот, — заявляет, явившись ко мне миссис Дейл, — Элен наконец-то заснула, и, кажется, крепко.

А через мгновение она совсем голая и прижимает меня к себе. Ожидая её и вспоминая об удовольствиях, полученных во время нашей последней ебли, я уже перевозбуждён:

— Видите, какой я необузданный?

— Вижу, вижу. И равным образом хочу пообтрепать тебя.

Так что мы сразу же и яростно случаемся и уж очень скоро с взаимными восхитительными «ах!» и «ох!» завершаем первый круг и замираем на какое-то время, опьянённые восхитительным наслаждением.

Затем миссис Дейл ругает себя и меня за нашу торопливость:

— Мы пренебрегли всей роскошью ебли, ударившись в такую поспешность и повинувшись простому животному инстинкту, что вот вынуждены прекратить её. А хотелось бы насладиться всей этой сладострастной маслянистостью. Но тут нужна сноровка. Так что теперь, когда пыл наш до краёв иссяк, нам следует снова заняться взаимным гамаюшем.

— А что это такое?

— Да мы его уже делали. Просто ты пока этого слова не знаешь. Оно происходит от итальянского «гамба» (нога).

— Ага, по-французски «жамб».

— Вот-вот. И от французского «юшэ» — кликать свистом.

— То есть, сосать то, что между ног!

— Ну да. Но сначала мне надо подняться и...

Она встаёт и принимается писать, позволяя мне видеть, как водный поток вырывается из её восхитительного влагалища. После чего зажигает ещё две большие свечи, одну поместив в ногах кровати, а другую в голове.

— Это чтобы нам обоим было лучше видно, как мы будем ласкать друг друга. Ляг-ка на спину, а я взберусь на тебя, вот так...

— Вот так? Спиной ко мне?

— Да, — говорит она, опуская свой зад мне на лицо. — А теперь попробуй пронзить своим языком мой влог и вылизать следы своей восхитительной отваги. Наверно, они всё ещё сочатся оттуда?

— Нет, — отвечаю, отвлекаясь от этого занятия. — Когда вы писали, наверно всё смыли.

— А что ещё там видно?

— Губы торчат.

— А ещё?

— Тут ещё какая-то очаровательная вещичка!

Я беру в свои губы её клитор и начинаю сосать его, пока он не становится большим и твёрдым. Вот уже и все три мои пальца в её влагалище. А почувствовав, как она протискивает свои в мою задницу, я перемещаю мои, довольно сильно промазанные собственной спермой во время их пребывания там, в её розоватое заднепроходное отверстие, А поскольку миссис Дейл, выпячивая свой зад, словно приветствует их появление там, вся троица проскальзывает

туда, явно не давая ей повода считать, что там нечто большее, чем один палец. И с радостью обнаружив, как легко это отверстие растягивается, начинаю лелеять надежду, что удастся получить разрешение погостить там не только пальцам. Конечно, тут понадобится некоторая ловкость, чтобы не вызвать у неё подозрения, что эта дорога мне отнюдь не в новинку. Но она приходит к подобному умозаключению намного раньше, чем я решаюсь озвучить его, и когда снова возбуждается, сама предлагает мне:

— Раз уж твоя мама оседлала тебя и вот-вот снова будет посажена на твой хуй, словно на кол, хотелось бы научить тебя, как сделать это по — новому... Только чуть погоди... Дай мне кончить!..

И склоняется надо мною, как это делали другие перед нею, пребывая в той же позе и тем самым избавляя меня от дальнейшей ебли.

— Вы снова сказали слово «хуй». Я забыл: это то, что... Ну, как бы...

— Да, да, — то, что я имею удовольствие который раз утихомиривать... Так называл эту вещь мой покойный муж, когда просил приласкать её... Ах. ах! Умираю!

С этими словами она падает мне на грудь, а я, продолжая сосать сосок, — тот, что был перед моим ртом, — и, сжав одной рукой её талию, другую разворачиваю так, чтобы можно было снова приложиться к её задку. Для начала увлажнив свой палец её выделениями, вытекавшими между губами её влагалища и моим стоящим дреколом, я заталкиваю его ей в забой и работаю им туда и сюда, к её бесконечному удовлетворению. Всё это великолепное и сладострастное траханье завершается взаимным экстазом и чувственными вскриками после чего мы лежим, пропитанные восхищением, пока тяжесть её веса не вынуждает меня попросить её перевернуться на бок. Затем у нас происходит долгая сладкая любовная беседа. Вернув разговор к высказанным ею утром подозрениям, как бы ей не занять ребёнка, я замечаю:

— У вас был только один ребенок?

— Да, только один Гарри. А что?

— Но ведь ваш муж жил ещё много лет после его рождения, а вы, как вы сами говорили, продолжали наслаждаться с ним, и ничего подобного с вами не случилось. Так почему же сейчас вы можете оказаться в интересном положении?

— Это кажется весьма вероятным, мой дорогой мальчик... А что касается моего мужа, то он прибегал к предосторожности, чтобы не иметь больше детей.

— Но к каким таким предосторожностям он мог прибегать? И как делал это?

— Ну и любопытный же ты мальчик! Но я тебе скажу. Он имел обыкновение оставаться там довольно долго, заставляя меня истечь два или три раза прежде, чем делал это сам, а потом, когда чувствовал, что это подходит, то имел обыкновение выходить, а свой укол, предельно мокрый, просовывать мне в зад и изливаться там, едва только поместит внутрь его головку.

— А это доставляло вам удовольствие, мамочка?

— Как тебе сказать... Большого удовольствия я не чувствовала, лишь незначительное раздражение. Ведь прежде чем приступить к этому, он возбуждал меня и заставлял несколько раз истечь; да и вообще делал это перед самым кризисом, так что времени у него было достаточно только для того чтобы поместить туда головку, и тут же наступала пора выстреливать.

— А он вкладывал когда-либо его целиком?

 — Лишь иногда, когда вытаскивал его из моего влагалища слишком рано.

 — И тогда это доставляло вам удовольствие?

 — В таких случаях он имел обыкновение делать паузу, пока, натирая мне клитор, не вводил меня в состояние новой похоти, и вот после этого удовольствие было специфическим и большим.

 — Ах, моя дорогая мама, почему бы вам не позволить мне ебануть вас таким же образом? Да к тому же, как вы сами говорили, у нас не будет детей.

 — Мой любимый Чарли, это невозможно! Уж слишком велика эта вещь, чтобы войти в это отверстие. У моего покойного мужа не было и половины твоего размера, и то он испытывал значительную трудность, если я не потекла уже раза три или четыре и не расслабила все эти части. Я просто не смею и думать о том, чтобы позволять тебе предпринять такую попытку.

 — И всё же, моя дорогая мама, позвольте мне хотя бы вложить только кончик и разрядиться туда. Мне так хотелось бы попробовать! Давайте сперва поебёмся, два или три раза, а затем, после третьего раза, я потру вас, пока вы снова не потечёте, после чего попробую вложить один лишь наконечник, чтобы вы проверили на деле, как это ощущается.

 — Но, мой дорогой мальчик, малейшая же пульсации с моей стороны выставит его вон! Даже если речь пойдёт лишь об одном орехе. Достаточно взглянуть, каков его размер. Я едва могу ухватить его, и хотя он так гладок и бархатист, но как твёрд... Ах, дорогой мой напарник, позволь мне поцеловать его, а затем уделай меня, выеби ещё раз, мой любимый! Она сгибает своё тело, даёт мне восхитительное засос, а затем, откинувшись на спину и раскинув свои прелестные бёдра, приглашает меня подняться на неё.

Прежде чем сделать это, я также пригибаюсь и высасываю её очаровательный и хорошо развитый клитор, пока она опять не завизжит от наслаждения и не просит меня:

 — Ну же, всади его в меня!

Я кидаюсь на её живот и одним энергичным толчком ввожу своего необузданного дрекола по самую рукоятку, заставляя её всю опять задрожать. Она так горяча, что при первом же тычке кончает, и мой восхищённый дрекол тонет в текущей по нему горячей жидкости. Я, было, собираюсь выйти после ещё двух толчков, но не могу бросить её, обвитый её руками и ногами и сжатый жадно вздувшимися губами её вызывающего вожделение влагалища. Так, сильно толкая внутрь до самых что ни на есть волос между нами внизу, я позволяю ей не отказывать себе в удовольствии насладиться столь прекрасным соединением, отвечая на её восхитительное пульсирование её влагалища сильными пульсациями своего собственного чрезвычайно взволнованного дрекола. Свыше четверти часа лежит она таким образом, задыхаясь и судорожно рыдая в прекрасном экстазе удовольствия.

Наконец, миссис Дейл прижимает мой рот к своему и проталкивает свой сладкий язык ко мне в рот; я сосу его, её руки ослабляют давление на мои ягодицы. Почувствовав некоторую свободу, я начинаю медленное движение туда и сюда, которое вскоре вызывает в ней предельную маслянистость. Да и она сама подмахивает мне более активно и божественно, с не меньшим искусством. Наши движения становятся быстрыми и разъяренными, пока не заканчиваются в смертельной муке восхищения, в котором сама моя душа, казалось, обратилась в бегство, и мы лежим без сознания, не знаю, как долго, во власти последствий всех тех наслаждений, которые продолжали так очаровательно воздействовать на дрекол, по-прежнему вмещающийся во влагалище красивой и похотливой женщины.

Когда чувства возвращаются к нам, мы переворачиваемся на бок, и все ещё переплетённые и соединённые в сладких приапических узах, лежим, словно голуби поклёвывая друг друга и воркуя со всеми теми чисто любовными шёпотами и покусываниями, настолько они подходят в такие моменты.

Наконец, почувствовав новую взаимную готовность и испытывая потребность в борьбе, я спрашиваю:

 — А как насчёт восхитительной коленопреклонной позиции?

 — Вы думаете, я не поняла сразу же, куда вы клоните? Маленький изменник, который хочет напасть на мою попку! Но, мой дорогой мальчик, это действительно невозможно.

Я обнимаю, лъщу, умастиваю и упрашиваю её до тех пор, пока она, наконец, не обещает:

 — Я, пожалуй, и попробовала бы, выдержу ли вход вашего укола, если вы возьмёте на себя обязательство не идти дальше ореха и клянётесь, что обязательно заберёте его, если это станет слишком болезненным для меня. Договорились?

И, получив моё согласие, принимает соответствующую позу. Наклоняясь сначала, чтобы облизать её восхитительное влагалище и дать один или два засоса её очаровательному клитору, я подношу свой нетерпеливый дрекол к вздувшимся и страстно жаждущим губам этого влагалища, и после двух или трёх втираний порывисто вталкиваю его, в результате чего мой живот шлёпается о её великолепную задницу. И затем мы потихонечку сношаем, взаимно пульсируя в излишестве чувственности.

Я просовываю руку ей под живот и быстро-быстро потираю ей клитор, заставляя впасть в экстаз восхищения. Даю ей время вкусить не более одной или двух пульсаций моего дрекола и, зная, что ничто так сильно не восхищает развратную женщину как быстрые движения сразу же после метания икры, предпринимаю стремительную серию толчков, стараясь каждый раз хорошенько запихнуть дрекол по самую рукоятку и выкрикивая всё это время вульгарности вроде таких:

 — Ну разве этот толчок не заставляет вас вздрогнуть? Вы догадываетесь, что в ваше сладострастное и восхитительное влагалище стучатся ятра?

И тому подобное. Не пренебрегаю и словами «хуй», «ебля».

Она становится безумно непристойной и кричит мне:

 — Ах, дорогой ты мой! Какой же ты восхитительный ёбарь! Да, да; я чувствую его до самого корня! Ему там здорово у меня, мой дорогой мальчик. А твой славный хуй, такой большой-большой, убивает меня, и я вот-вот умру от восторга. Ах! ах! ах!

И визжит, вновь похотливо истекая самым восхитительным образом. И тут, едва она отключается, пребывая всё же во всех муках восхищения, как я, также чувствуя, что больше не в силах тянуть дальше, внезапно вытаскиваю сильно пахнущий ствол и нажимаю им на рифленое и прелестное отверстие в её днище, пытаюсь вставить его туда. Несмотря на неистовство моего возбуждения, я достаточно осторожен, чтобы нажимать без силы, и вкладываю орех в ножны без особого труда или намёка на ропот со стороны дорогой мамы, которая выполняя своё обещание, прикладывает все усилия, чтобы помочь мне: её большая жопа выставлена мне навстречу, а мускулы сфинктера не оказывают никакого сопротивления. Я оказываюсь в такой степени вне себя, что, даже если бы захотел нарушить своё обещание удовольствоваться вставкой лишь одной головки, навряд ли смог продолжать и далее, поскольку ко мне с такой смертельной сладостью подступает приступ, что я таяю,

выстреливая поток спермы далеко в её кишки, а затем теряю все силы даже для дальнейших хотя бы малейших толчков. Подозреваю, что это длительное воздержание позволяет миссис Дейл потечь раза два или даже три, что, казалось бы, должно невероятно возбудить меня, и тем не менее все силы для дальнейшего прогресса меня покидают. Со мной это мгновенное бессилие случается в первый раз, хотя и не в последний; к этому вообще приводит сдерживание ваших способностей кончать в ебле.

И тем не менее восхитительные пульсации сочного влагалища дорогой мамы, о которых я могу судить по поведению её судорожно сжимающихся рук, вскоре повторно пробуждают мои на мгновение задремавшие, было, силы. Мой дрекол уменьшился и потерял добрую половину своей прежней твёрдости, но её оказывается достаточно, чтобы позволить мне продвинуть его вперёд, и пока миссис Дейл оправляется от экстаза своей последней течки, он почти неощутимо проскальзывает внутрь на весьма существенную глубину, не доступную ему прежде. А как только она приходит в себя, я делаю вид, что у меня продолжается судорожная отдышка, как если бы я пребывал всё ещё в том же изыснном полусознательном состоянии. Я чувствую, как её рука просовывается меж её бедрами, и слышу недовольный, вроде де бы, голос:

 — Ничего себе! Как это называется? По самую рукоятку!

Ласковое прикосновение к моим стручкам, которые она берёт в свою руку и нежно поглаживает, заставляет мой дрекол заметно напрячься. Она это чувствует и ласкает их дальше, пока не заставляет его стать таким же тугим, как и прежде, но он продолжает быть всё ещё вставленным в её восхитительную и усиленно пульсирующую жопу, которая, кажется, скорее приветствует незнакомца, чем даёт ему отпор. Я симулирую теперь возвращение полного сознания и восклицаю:

 — Ах, где я? Я никогда не знал такой небесной радости.

Она приподнимает свое лицо от подушки и произносит:

 — Увы, увы, мой озорник! Как это не удивительно, ты вошёл по самый черенок. Вот — так-то, ты нарушил свое обещание.

 — Даже не знаю, как так получилось, — уверяю я её, — ибо кончил и отключился, когда внутри была только его головка.

 — Что ж, прощаю тебя, только больше не двигайся.

Но пульсировать я продолжаю и ощущаю встречное восхитительное надавливание. Я просовываю свою руку ей под живот и нахожу её клитор жестким и возбуждённым. А пальцами другой руки натираю один из её твердых выступающих сосков.

Вскоре она снова становится безумно непристойной и начинает извиваться из стороны в сторону на моем необузданном дреколе. Я пребываю в неподвижности, настроенный позволить её страстям потребовать движения и от меня. Долго ждать мне не приходится.

 — Попробуй-ка чуточку подвигаться, — просит она, — только тохонечко.

 — Повинуюсь, мэ, — отвечаю я и медленно-медленно выхожу, но недалеко,

и также медленно возвращаюсь.

 — Ничего себе! Моя смазочная способность, кажется, не знает границ,

— констатирует она. — Поэтому прошу тебя: вытяни подальше и несколько более быстро... Ещё, ещё быстрее!

И вот мы в избытке разъяренной жажды, которая не знает границ, мчимся к заключительному кризису. Со взаимными криками отчаянного восхищения; причём миссис Дейл визжит настолько громко, что её наверняка могли услышать, что впоследствии и подтвердилось. Своё наслаждение она выражает испулённо, и в тот же самый момент, когда я заливаю потоком спермы её кишки, мечет икру и сама она, после чего мы падаем вперёд и оказываемся в прострации.

Сам я, видя это, впадаю в такой же испулённый восторг, но долго лежу, продолжая удерживать узника наглухо поглощённым в столь изящной и доставляющей такую радость скважине. Наконец, до меня доходит, миссис Дейл действительно упала в обморок. Поэтому мне приходится вытаскивать свой дрекол, причём с немалым напряжением, поскольку он там здорово удерживался и вышел оттуда со звонким звуком, который можно назвать «шлёп!». Я поднимаюсь, приношу немного воды и опрыскиваю ей лицо, после чего она открывает глаза, полные глубокой любви. Губы её что-то бормочут, я подношу к ним сосуд, и она с жадностью пьёт. Затем снова поднимает на меня глаза и произносит:

 — Мой дорогой мальчик, ты сразил меня наповал! Какое наслаждение!

Никогда — о, никогда — мне не приходилось испытывать ничего подобного! Вот это да! Слишком уж чересчур для меня. Но я боюсь, не причинила ли я тебе боль? На будущее нам следует быть более умеренными. Помоги мне встать, ибо мне надо подняться. Твой последний подвиг заставляет меня на несколько минут отлучиться.

Она поднимается, набрасывает себе на плечи свою одёжку и выходит из комнаты, чтобы отправиться в туалет. Как я и надеялся, она не стала заходить в свою собственную комнату и поспешила обратно ко мне:

 — Вообще-то мне не мешало бы обмыться, но я побоялась, вдруг пробудится Эллен и таким образом помешает мне провести оставшуюся часть ночи с моим постельным напарником.

 — А я уже обмылся и теперь готов действовать как ваша горничная!

И принимаюсь обмывать все её члены.

 — Мой дорогой мальчик, нам не следует снова делать этого в течение некоторого времени. Тебе следует знать, что я измазана кровью, и у меня очень воспалено, хотя я и облегчилась.

Мы опять забираемся в постель. Она не позволяет больше никакой ебли, а только нежно обнимает меня и помещает мою голову у себя на груди. И мы скоро засыпаем. На рассвете она будит меня поцелуями и, почувствовав, как твёрдо стоит мой хуй, перекачивается на спину, и мы имеем один за другим два восхитительнейших поебка. Причём без удаления между ними. Правда, она попросила меня выйти, но я отказался:

 — Нет, мамочка! Вы думаете, я не понимаю, что сделай я это, вы тут же сбросите меня с себя? Будьте добры, позвольте мне ещё разок!

 — Что ж с тобой делать, капризный ты мой мальчик? Приходится быть добросердечной. Тем более что это будет наше последнее... Когда это ещё появится другая возможности для встречи!

И она проявляет всю свою замечательную сноровку, её движения поразительно проворны. Она скручивается вокруг меня подобно змее. Наши рты и языки одинаково заняты, и заключительный кризис оказывается настолько изысканным, что его нельзя описать. Я изо всех сил стараюсь поскакать и третий круг, но у меня это не получается.

 — Наши забавы становятся уже опасными, — утихомиривает она меня,
— Разве ты не слышишь, как внизу открываются оконные ставни?

Она даёт мне сладкий поцелуй, произносит:

 — Спасибо!

И исчезает.

Я остаюсь обдумывать радостей этой восторженной ночи, а затем поднимаюсь и быстро одеваюсь, ведь нам предстоит позавтракать и затем идти домой, где нас ждут уже в девять часов. Однако, после завтрака, мама увлекает меня в своё святилище, домашнюю кладовую:

 — Мне надо дать тебе некоторые указания.

Конечно, стоило ей оказаться там, как толкнув её к столу, я закатываю ей на задницу её юбки и, войдя сзади, даю ей добрый поёбок. Она с отменной любезностью уступает, несмотря на заявления:

 — Ты что же думаешь, я ради этого пришла?

«А для чего же ещё?» — смеюсь про себя я. — «Ах! женщина, женщина! как же ты падка на обман, только чтобы заполучить ту самую вещь, которая появляется в поле твоего зрения».

Гарри признаётся мне потом:

 — Мы заглянули туда и видели то, что было у вас. Но я не был столь же готов, как ты, и оказался не в состоянии пойти и поступить подобным образом.